Соломонов, В.А. Без купюр и предвзятых комментариев: Письмо С.Н. Чернова А.А. Гераклитову как документ интеллектуальной истории / В.А. Соломонов // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 253-264.

# БЕЗ КУПЮР И «ПРЕДВЗЯТЫХ» КОММЕНТАРИЕВ: ПИСЬМО С. Н. ЧЕРНОВА А. А. ГЕРАКЛИТОВУ КАК ДОКУМЕНТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В перечне лиц, много потрудившихся во славу российской исторической науки, одно из почетных мест занимает имя видного ученого, стоявшего у истоков советского декабристоведения и научного краеведения, профессора Сергея Николаевича Чернова (28.01 (10.02). 1887— 26.12.1941).

Мы имеем множество различных изданий, дающих ясное, хотя и далеко не исчерпывающее, представление о личности историка, его научно-педагогической и общественной деятельности [1].

Будучи коренным саратовцем, С. Н. Чернов с радостью воспринял известие об открывшемся на его родине историко-филологическом факультете университета и сразу же изъявил желание стать его полноправным членом. В сентябре 1917 г. он вернулся с этой целью в родной город и 21 октября направил в Совет историко-филологического факультета Саратовского университета прошение с просьбой о зачислении его приват-доцентом по кафедре русской истории. Отработав после этого год, 27 ноября 1918 г., согласно декрету Совнаркома, он был утвержден в звании профессора, оставаясь таковым вплоть до своего ухода из университета [2].

Саратовский период научно-исследовательской и педагогической деятельности ученого, длившийся одиннадцать лет (с 27 ноября 1917 по 1 октября 1928 г.), имел весьма интенсивный, напряженный и многоплановый характер. В этом убеждает разнообразная тематика общих и специальных учебных курсов, семинарских и практических занятий, которая С. Н. Черновым была положена в основу работы со студенческой аудиторией. В первом учебном году своей работы — 1917/1918 — им был прочитан курс лекций, отражавший научно-исследовательские интересы ученого дореволюционной поры. В последующие годы он читал спецкурсы по исторической географии, методологии источниковедения, истории политических движений 10—20 гг. XIX в.

Что касается личных качеств ученого и оценки его педагогического мастерства, то выразительнее всех о них отзывалась М. Е. Сергеенко, в эти годы работавшая вместе с ним в Саратовском университете: «Он был прекрасным лектором и преподавателем, в высокой степени обладал “чувством истории”, которое живой водой взбрызгивает прошлое, превращает его в кровно-близкое, заставляет жить одной с ним жизнью. Он увлекал своих слушателей и учеников и стилем своего преподавания и очарованием, исходившим от всего его существа. <...> С[ергей] Н[иколаевич] был — явление на Руси редкое — человеком принципиальным и от убеждений своих не отрекся бы за все золото мира; не считал он нужным о них и умалчивать. Он любил родину, Россию, и говорил о родине тогда, когда само понятие “родина” считалось гнусной буржуазной выдумкой; он был верующим человеком и не отрекался от своей веры в то время, когда вера в Бога числилась среди признаков не только буржуазной темноты, но и опасного несогласия с советским курсом» [3].

Во многом именно эти отличительные особенности личности С. Н. Чернова — его открытость, независимость в оценке происходящего и преданность нравственным идеалам — и

явились поводом к унизительному и в высшей степени оскорбительному отстранению его в 1928 г. от должности профессора, повлекшему изгнание из Саратовского университета. Инициатором расправы над известным ученым стал декан педагогического факультета профессор В. В. Буш, который 16 февраля 1928 г. на заседании университетского правления открыто обвинил С. Н. Чернова в том, что его преподавание «поставлено не на диалектической основе», добавив при этом, что и сам он вряд ли отвечает «условиям требований, предъявляемых к современной высшей школе, почему устранение из университета проф[ессора] С. Н. Чернова необходимо»[4]. Несогласных с данным вердиктом среди других членов правления, присутствовавших на этом злополучном заседании, не оказалось.

Осенью того же года С. Н. Чернов вынужден был расстаться с университетом, которому он отдал лучшие годы своей жизни, и уехать из Саратова. Основным его пристанищем в последующие годы стало Детское Село (ныне г. Пушкин Ленинградской области), где он и скончался от голода 26 декабря 1941 г. [5]

За свою непродолжительную жизнь видным историком-исследователем было создано немало научных трудов, посвященных различным проблемам истории России периода феодализма, истории Саратовского края и Нижнего Поволжья. Особенно значительных результатов достиг он в изучении истории русского освободительного движения от преддекабристской эпохи до начала XX в. [6] Правда, у творческого наследия С. Н. Чернова, как и у него самого, сложилась трагическая судьба. Помимо сочинений, увидевших свет при жизни автора, немалое их число осталось в рукописях, бесследно исчезнувших в период немецко-фашистской оккупации г. Пушкина. До сих пор остается не выясненной и судьба уникального эпистолярного архива ученого, разбросанного по многим личным архивным фондам и частным коллекциям. Поэтому любые ранее неизвестные документальные материалы, так или иначе характеризующие жизнь и деятельность С. Н. Чернова, для науки представляют исключительный интерес.

В Отделе рукописей и редких книг Зональной научной библиотеки Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского (ОРРК ЗНБ СГУ) хранится личный фонд Александра Александровича Гераклитова (18 (30).11.1867 — 11.04.1933), в составе которого, наряду со многими прочими ценными документами, отложилась односторонняя переписка с ним С. Н. Чернова. Последний не просто был знаком с адресатом своих посланий — с ним его связывала многолетняя неразрывная дружба, основанная на единстве духовно-нравственных ценностей и научно-педагогических воззрений. К тому же оба они не один год трудились бок о бок в Саратовском университете.

А. А. Гераклитов, признанный специалист в области палеографии, бумажных водяных знаков, истории и культуры мордовского народа, благодаря своей необыкновенной самобытности и широкому научному кругозору и активной жизненной позиции пользовался широкой известностью в Саратове[7].

С открытием в 1917 г. в Саратовском университете историко-филологического факультета он был приглашен преподавателем в университет. Начиная с 1918 г. Гераклитов читал курс по истории колонизации и социально-экономического развития края в XVI—XVIII вв., вел практические занятия по вспомогательным историческим дисциплинам: русской палеографии, дипломатике, описанию рукописей, хронологии, русской допетровской сфрагистике и латинской палеографии. Во время этих занятий Александр Александрович широко привлекал архивные документы из коллекций бывшей Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) и хранящегося поныне в университетской библиотеке рукописного собрания профессора И. А. Шляпкина.

Предпринятая А. А. Гераклитовым первая попытка освоения архивных материалов осталась не завершенной. Впрочем, отдельные ее результаты нашли частичное отражение в публикациях его учениц — Ю. А. Кузнецовой и Е. П. Подъяпольской[8]. Без оценки роли А. А. Ге-

раклитова невозможно представить сегодня и историю возникновения при университетской библиотеке отделения рукописей и старопечатных книг, а также многосложную работу по систематизации и описанию его богатейших коллекций.

Последние три года жизни ученого прошли под знаком серьезной мучительной болезни и тяжелейшего душевного стресса: по причине заболевания гортани и потери трудоспособности [9] он вынужден был 8 июня 1930 г. распроститься со своей любимой преподавательской деятельностью в университете. Сообщая в письме В. И. Веретенникову от 24 августа 1930 г. о своем незавидном положении, ученый писал: «Еще в начале прошлого года у меня обнаружилась опухоль в гортани, лишившая меня способности человеческой речи. Но за лето, после отдыха, опухоль пропала и голос вновь вернулся, так что я спокойно прозанимался со слушателями вплоть до февраля с[его] г[ода]. В феврале опухоль вновь появилась и на этот раз в злокачественной форме. Не помогли ни клиническое лечение, ни поездка в Сочи. В конце концов, чтобы спасти меня от злой напрасной смерти, пришлось срочно сделать трахеотомию, и я теперь хожу с серебряным горлом. Относительно свойства опухоли наши и приезжие профессора разноголосят: по одним это туберкулез, по другим — рак. В одном лишь согласны все специалисты: голос ко мне не вернется. Как не горько это было, но пришлось покориться неизбежности и 8 июня я подал заявление об уходе из у[ниверсите]та и просьбу об исходатайствовании мне пенсии». И словно горестно подытоживая свой земной путь, он далее признавался: «Грустно после стольких лет работы видеть крушение всего, чему ты отдавал свою душу. Исторический архив пошел к черту, рукописное отделение в забросе, а теперь большие сомнения и на счет дальнейшей участи последнего моего детища — мордовского отделения» [10].

А. А. Гераклитов ушел из жизни в возрасте 66 лет. За четверть века своей научной и педагогической деятельности он проявил себя как сформировавшийся исследователь, опубликовавший 70 научных работ по краеведению, истории мордовского народа и книговедению. Не имея за плечами университетского образования, А. А. Гераклитов тем не менее навсегда останется в памяти волжан как «один из тех представителей духовных и умственных сил нашего города, чья деятельность определяла высокий интеллектуальный уровень Саратова и составляла его славу и гордость» [11].

Вниманию читателей предлагается лишь малая толика из эпистолярного сокровища С. Н. Чернова — его письмо к А. А. Гераклитову от 14 октября 1928 г. Содержание письма в полной мере объясняет причину конфликта Чернова с видным российским археологом профессором Саратовского университета Павлом Сергеевичем Рыковым (7 (19).10.1884 — 26.03.1942).

Настоящая документальная публикация является своеобразным ответом — красноречивым и убедительным — на тенденциозный и в высшей степени непрофессиональный отзыв внучек П. С. Рыкова на монографическое исследование о жизни и деятельности С. Н. Чернова, обвинивших его авторов в необъективности и предвзятом комментировании исторического источника [12].

При подготовке публикации были соблюдены все археографические принципы. Текст документа приводится по рукописному оригиналу, хранящемуся в Отделе рукописей и редких книг в составе личного фонда А. А. Гераклитова [13], и публикуется в полном объеме, с сохранением всех стилистических особенностей и необходимыми в подобных случаях «непредвзятыми» комментариями и уточнениями. Встречающиеся в тексте авторские сокращения раскрываются квадратными скобками.

**В. А. Соломонов,** доцент кафедры истории России Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, кандидат исторических наук

## ПИСЬМО С. Н. ЧЕРНОВА А. А. ГЕРАКЛИТОВУ ОТ 14 ОКТЯБРЯ 1928 г.

Москва. 1928. Покров [14]

Дорогой друг,
Александр Александрович!

Долго под разными предлогами оттягивал я мой ответ тебе на «дружественную ноту». Но чувствую, что далее оттягивать нельзя и приступаю к ответу. Слушай!

Ты прежде всего, конечно, хочешь знать, отчего я оттягивал мой ответ; вот отчего: больно на 21 году добрых отношений и одиннадцатом тесных дружеских говорить в серьезном, много определяющем, случае неприятное и тяжелое и себе, и собеседнику (хотя бы для себя, скажу в скобках, и совершенно неизбежное) «нет», — и «нет» совершенно решительное. А между тем я другого сказать совершенно не могу.

Я представлю тебе сейчас свои соображения, по которым я не могу сказать ни вожделенного «да», ни какого-нибудь успокоительного «посмотрим». Вот эти доводы.

1. П[авла] С[ергеевича] [15] я считаю человеком, совершившим в отношении меня бесчестный поступок. У меня нет и не было сомнения в правильности моего определения и в совершенной основательности моих ему обвинений. Поэтому мне нет нужды это доказывать, — никакой. Все же скажу, что решаюсь это утверждать, ибо он не только лгал мне, говоря одно и делая другое, но и солгал в заседании Правления, сказав обо мне явную неправду. Я не знаю далее, до какой степени нравственного убожества надо дойти, чтобы говорить такие вещи, как он позволил себе сказать тебе. Ты пишешь: «Из разговора я понял, что ... П[авел] С[ергеевич] не был бы в претензии на тебя, если бы ты порвал с ним всяческие отношения после того, как он явился к тебе сообщить о заседании Правления, причем он не скрывал своего поведения и мотивов, его вызвавших; но что продолжая и после этого прежние дружеские отношения, ты должен бы объяснить причину внезапного их разрыва». А[лександр] А[лександрович]! я привык уважать чужое мнение и чужое поведение, как бы ни были они с моим не схожи, пока они остаются — первое, в рамках искренности, второе, в рамках честности. Поэтому, если бы П[авел] С[ергеевич], как Буш [16], прямо сказал мне, что по совести считает вредным для дела мое пребывание в должности профессора Университета, я бы нисколько не мог на него претендовать; больше того, если бы он прямо сказал мне, что он активно борется за мое удаление, считая вредною мою работу в У[ниверсите]те, я тоже не мог бы на него претендовать; и еще больше, если бы он сказал мне, что, боясь за свое положение и свой заработок, он, хотя и не был согласен с тем, что меня для пользы дела надо устранить, но все же этому не только не препятствовал, но даже (пусть только речью!) содействовал, я бы — я бы его простил. Я бы даже его простил, если бы он сознался мне в своей официальной лжи мне в явный вред. Но П[авел] С[ергеевич] и в тот памятный вечер, и позже весною (помню, напр[имер], разговор в трамвае и у меня дома) утверждал, что считает неправильным мое удаление, считает его <u>ошибкой</u> [17]. К этому он, извиняясь, добавлял: «Конечно, сами понимаете, возражать я не мог; голосования, впрочем, не было и я просто не сказал, что я — против Вашего устранения, когда ректор [18] сказал: “Есть возражающие против устранения проф[ессора] Чернова?”. Но в прениях я указал на необходимость Вашего материального обеспечения и предоставления Вам возможности вести научно-исследовательскую работу...». Как будто с этим совершенно не сходится, дорогой друг, запись его речи в протоколе заседания, о котором он мне рассказывал? [19] Могу ли я, раз так, счесть его порядочным человеком? Больше того, П[авел] С[ергеевич], твердя мне о дружеских чувствах ко мне, рекомендовал мне

сдаться. Это имело характер заботы обо мне при той передаче его речи, какую он сам давал, но имеет совсем другой характер (характер очень подленькой пассивной самозащиты) при той передаче его речи, какую дает протокол. Как же мне не счесть его подлецом по отношении ко мне, А[лександр] А[лександрович]? Но я чувствую, ты говоришь: «С[ергей] Н[иколаевич], да ведь может быть протокол неправильно передал речь П[авла] С[ергеевича]... А ты, такой строгий историк, ученик А. С. Лаппо-Данилевского [20] — сам читаешь методологию источниковедения — этому протоколу веришь...». То-то и беда, мой дорогой старый друг, что я и этому протоколу не верю. Но дело-то вот в чем: П[авел] С[ергеевич] этот протокол подписал и передачу им своей речи признал правильною, а ведь П[авел] С[ергеевич] — не мальчик (и тем более не девочка) шестнадцати лет и прекрасно понимает, какое значение для меня имеет именно такая, а не какая-нибудь иная передача его речи. Т[аким] о[бразом], А[лександр] А[лександрович], и в том случае, если П[авел] С[ергеевич] не произносил того, что ему приписывает протокол, он является подлецом. Итак, он — подлец, с какой стороны на него ни посмотришь...

Но, дорогой друг, эта подлость его ясна мне теперь, как она стала ясна и тебе, когда ты прочел протокольную запись: помнишь, на террасе моей дачки? Но тогда, в те февральские дни, я не знал протокола и еще сильно, на слово верил во всем П[авлу] С[ергеевичу]. Эту силу моей веры в него ты припомнишь, если мысленно перенесешься в 16-ю комнату ЦЕКУБУ [21], где я горячо защищал его против твоих на него нападок по твоему делу. Вспомни, как раз утром, после бессонной ночи, ты с трепетом и дрожью в голосе нападал на его поведение и чуть не клялся страшно ему отомстить «словом» — помнишь? Вспомни и то, как я в тот же день переговорил с ним, уговорил его идти к Челянову [22] насчет твоей профессуры и вместе с ним у Челянова был... Тогда мое понимание его и потому мое к нему отношение были совершенно иными, чем они теперь. Ты вспомнишь и мои первые сомнения в нем... Но все же даже в мой весенний приезд в Саратов я ему еще верил и в его поведении еще не сомневался. Он сам своей волокитою с протоколом дал возможность расцвести слабым росткам моих сомнений. Дело вот в чем:

Его поведение с протоколом, когда он говорил мне о невозможности его получить («не дадут! ... С[ергей] Н[иколаевич]!») и когда потом обещал его дать, очень любопытно. Я еще в феврале, когда мне дали выписку из резолюции, просил дать мне протокол; П[авел] С[ергеевич] сказал, что «не дадут», о том же я заговаривал и с тем же результатом — весной; тогда в мае я просил протокол у Челянова, но тот отказал, сказав, что «секретация на протокол наложена не им, а Правлением, и он, пока Правление ее не снимет, не может мне протокола дать». Я говорил с Лупполом [23]; Луппол обещался списаться с Саратовом, но при свидании с посетившим его Рыковым переговорил о протоколе лично; в субботу — я хорошо помню, что это было в субботу самого конца мая — я встретил П[авла] С[ергеевича] в Н[ародном] К[омиссариате] П[росвещения] (он был и В. Г[олуб] [24]), и П[авел] С[ергеевич] недовольно сказал мне, что я вот-де говорил с Лупполом насчет протокола, так вот-де я протокол получу; я поблагодарил П[авла] С[ергеевича] и спросил его, нужно ли с моей стороны официальное заявление в письменной форме? Он сказал: «нет, не нужно, я Вам его и так вышлю...». Но я не получил этого протокола, хотя прожил в Москве после этого разговора пять недель. Когда я приехал в Саратов, я пошел к В. Г[олубу], как исполнявшему обязанности ректора, и подал ему официальное о протоколе заявление. Через несколько дней протокол был у меня, правда, с обозначением в сопроводилке, что посылается он по распоряжению «зам[естителя] рек[тор]а проф[ессора] П. С. Р[ыкова]». Я тогда же, смеясь, сказал: «Как предусмотрителен П[авел] С[ергеевич]!». А[лександр] А[лександрович], неужели после всего описанного можно уверять, что протокол выслан мне «по прямому и настойчивому распоряжению» П[авла] С[ергеевича]? Ты пишешь, что он убедил тебя в этом, вызвав «к допросу помощника секре-

таря», который «подтвердил ... это». Извини меня, но твоей доверчивости удивляюсь. Милый, разве нельзя поставить вопрос так: «а что, этому помощнику секретаря при другом ответе не пришлось бы пойти по дорожке К. И. [25]?». И больше того, разве П[авел] С[ергеевич] не мог перед ним соблюсти декорум своего распоряжения — так при том искусно, что тот уверовал, что именно П[авел] С[ергеевич] и распоряжается по своей доброй воле послать мне копию протокола от 16 ф[евраля] [19]28 г.?

Я считаю его поведение с протоколом столь же гнусным, как и во всех других случаях: он, творя гадость за спиной, делал задушевное лицо и выражал дружески нежную заботливость... И его поведение с протоколом было первым, что убедило меня в неискренности его общей линии.

Но довольно об этом. Я сказал, что считаю его поведение в отношении меня бесчестным, и объяснил, почему его таковым считаю. С удовлетворением вспоминаю, что еще недавно моя оценка не расходилась с твоею; думаю, что, расставшись с горами его речей, ты снова будешь расценивать его правильно — по весеннему и летнему.

2. Перехожу к другому, где могу быть очень кратким.

А[лександр] А[лександрович]! Ты пишешь, что П[авел] С[ергеевич] «очень не прочь объясниться» со мной «откровенно, но» что «инициатива такого объяснения не может исходить от него..., т[ак] к[ак] обидчиком» являюсь я. «Было бы желательно», добавляешь ты, «чтобы» я «(в письменной или устной форме) потребовал такого объяснения». Но я не собираюсь объясняться с ним... В самом деле, чем могут быть наши объяснения? Тем единственно, что я поставлю ему вопросы и упреки, а он будет отвечать на первые или опровергать вторые. И все. Ну, пожалуй, он может поставить свидетелей; но это будут или люди типа и поступков Буша, или от него, П[авла] С[ергеевича], безусловно и во всем зависящие, в роде какого-нибудь университетского служащего. А[лександр] А[лександрович]! Неужели же ты думаешь, что я, потеряв веру в П[авла] С[ергеевича] и считая его подлецом, смогу ему по-прежнему верить на слово или стану верить большим и маленьким бушам и тем несчастным канцелярским служащим и служителям, которые всецело во власти П[авла] С[ергеевича] и Кацена [26]? Нет, дорогой А[лександр] А[лександрович], ни ему, ни им я верить не стану. А раз не стану верить, зачем же я стану объясняться? Для полировки крови и пищеварения? Для этого с меня достаточно того, что я милостью Кацена и Буша и подлости П[авла] С[ергеевича] перенес и доселе переношу. Да, переношу доселе!

Как видишь, пункт первый определяет пункт второй. Кончено.

Но, дорогой друг, еще не все. Ты пишешь, что «П[авел] С[ергеевич] считает себя обиженным» мною. Ты присоединяешь к этому свое согласие с его мнением.

Но, А[лександр] А[лександрович]! — А[лександр] А[лександрович], ведь он сам лез на это «оскорбление». Припомни, я рассказывал тебе, что первый раз я уклонился от встречи с ним, если не считать Вильса [27], один на один, а Вильс же, как животное бессловесное, никому бы происшедшего не рассказал. П[авел] С[ергеевич] может отрицать, что это так было, ибо он — подлец, но я это, как и все, пишу не для него, а для тебя. И тебе я скажу: зачем же он лез на вторую встречу при людях, когда, зная меня давно, не мог не знать, что руки моей не получит? Зачем? Хотел меня вынудить подать ему руку? Так? Я думаю, что да, так, ибо это был прекрасный способ замазать все происшедшее, — такой прекрасный способ, что можно было даже пойти на некоторый риск. Ну, что ж, — риск не всегда ведет к удаче, и он ее не имел.

Да и довольно с него удач!

Далее!

Ты пишешь, А[лександр] А[лександрович], что он представился тебе искренним. Я думаю, что его желание примирения совершенно искренне:

во-первых, потому что в его душе, вероятно, еще не отзвучали остатки добрых со мною многолетних отношений;

во-вторых, потому что чувствует свою большую передо мною вину;

и в-третьих, (я думаю, что это главное!) потому, что он очень живо чувствует, что очень сильно подмочил участием в деле Бутенко [28] — Чернова свою добрую академическую репутацию. Я представляю себе так, что он считает хорошим путем к ее восстановлению возобновление дружеских со мною отношений. «Смотрите», будет говорить он, «смотрите, Чернов попрежнему дружит со мной, а ведь он пострадал во всей этой истории. Это лучшее доказательство безупречности моего поведения!». И его друзья и наймиты будут только повторять это самое.

Но, А[лександр] А[лександрович], ты сам поймешь, что слишком многое — требовать от меня стать той ступенькой, на которую вступит своими грязными ногами П[авел] С[ергеевич], чтобы сесть на чистый престол политической беспорочности! И не требуй этого.

Впрочем, меня нисколько не удивляет, что ты считаешь меня виновным и предъявляешь мне требования объяснения и мира с П[авлом] С[ергеевичем]; нисколько не удивляет меня и то, что ты пишешь мне обо мне, как о «человеке страстном и пристрастном». За долгие годы нашей дружеской жизни ты всегда считал меня «страстным и пристрастным человеком», виновным во всякой ссоре (вспомни историю моих отношений с Баллодом [29] и твою ее расценку) и всегда требовал от меня уступчивости (вспомни тоже). А[лександр] А[лександрович]! Я на это скажу тебе раз и навсегда вот что:

А[лександр] А[лександрович], я, может быть, и «страстный», и даже «пристрастный» человек, — трудно о себе самом судить с совершенным беспристрастием; и ты ведь о себе тоже не решишься этого сказать. Но, А[лександр] А[лександрович], — и это ты и сам можешь подтвердить со всею решительностью — я никогда не делал скорых и тем более скороспелых заключений не в пользу, а во вред человека. В своей основе я — доверчив. Поэтому мне человек обычно часто рисуется лучше, чем он есть на самом деле. Но, к сожалению, этим не исчерпывается моя беда: я не только доверчив (очень, слишком доверчив!), но и терпелив к чужим грехам; я часто ставлю себя в положение грешащего товарища и со всею искренностью спрашиваю себя: «Ну, а разве я не поступил бы так же, как он, если бы был в таком же, как он, положении?» и всегда, когда по совести не могу ответить: «Нет, я бы так ни за что и никогда не поступил, хотя бы и находился в тяжелых условиях этого товарища», всегда этого товарища извиняю: так было с Юшковым [30], Бутенко, Скалдиным [31] и многими и многими другими, с которыми я оставался в добрых отношениях, хотя знал, что они грешили — и иногда грешили сильно. Но вот наступает черта, на которой я говорю: «Нет, я бы этого не сделал»; так когда-то было с Баллодом, так теперь случилось с Рыковым. Тогда — кончено. И кончено навсегда, на всю жизнь.

Видишь, А[лександр] А[лександрович], я, может быть, и «страстен», и «пристрастен» — это со стороны виднее, но я и доверчив к людям и терпелив к их грехам. Так не упрекай меня первым, забывая про второе. Считаю, что этим последним ответом я кончаю вопрос о моей виновности в старых и новых столкновениях: все дело в том, что я больше не могу; ведь я не тот наш общий друг, который, говоря в глаза «голубчик» и увиваясь перед всяким сильным, честит за глаза острым язычком, — предоставь же мне быть искренним, насколько хватит сил!.. Вот почему были совершенно бессмысленны все твои старые хлопоты о примирении, вот почему таковы же и твои хлопоты этих дней: я не могу быть только вежливым, ибо для меня отношения с людьми есть дело глубокой и тонкой интимности.

Дело же мое с П[авлом] С[ергеевичем] — дело особое. Я его когда-то очень любил. Давно (даже) очень. Недавно, вспомнив о нем безотносительно к происшедшему, я почувствовал что-то теплое и приятное — и на лице моем появился трепет нежной улыбки. Видишь? Хуже

того, у меня и по сей час нет к нему ненависти и я не желаю ему зла. Но я не могу и не хочу его видеть, с ним говорить и общаться, потому что он порвал и растоптал то глубокое и тонкое интимное, что когда-то нас связывало, потому что своим бесчестным двуличием он разрушил во мне большую веру к себе и поднял во мне волны омерзения и призрения. Эти страшные волны, А[лександр] А[лександрович], все выше и выше, все грознее и сокрушительнее. Кого из нас они захлестнут и погубят? Его, меня или обоих? Может быть, мы уцелеем оба, но через них никогда не протянутся друг к другу наши руки. Это навсегда исключено.

Прощай и не сердись за откровенное письмо. Пойми еще раз, что я был слишком близок с П[авлом] С[ергеевичем] и что подлость, им против меня совершенная, слишком велика, чтобы я мог его простить, и то пойми, что я считаю его слишком подлым человеком, чтобы идти с ним на какие бы то ни было объяснения, ибо он солжет.

Твой С. Чернов

## ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Порох И. В.* Некоторые вопросы истории общественного движения в России в первой половине XIX в. // Ученые записки Саратовского ГУ. Саратов, 1960. Т. 68; *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983; *Воронихин А. В.* К 100-летию со дня рождения Сергея Николаевича Чернова // История СССР. 1988. № 3; Сергей Николаевич Чернов // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Вып. 12: Вопросы истории освободительного движения в России XIX века. Саратов, 1989; *Миронов В. Г., Широкова В. В.* С. Н. Чернов в Саратовском историческом краеведении // Российская провинция XVIII—XX веков: Реалии культурной жизни: Материалы III Всероссийской науч. конф. (Пенза, 25—29 июня 1995 г.). Пенза, 1996. Кн. 2; *Андреева Т. В.* Некоторые вопросы истории либерального движения в освещении С. Н. Чернова // Третьи мартовские чтения памяти С. В. Окуня: Материалы научной конференции. СПб., 1997; *Максимов Е. К.* К биографии Сергея Николаевича Чернова // Историк и историография: Материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова. Саратов, 1999; *Сергеенко М. Е.* Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете / вступ. статья, публ. и коммент. Т. В. Андреевой // Деятели русской науки XIX—XX веков. СПб., 2000. Вып. 2; *Андреева Т. В., Соломонов В. А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887—1941 / отв. ред. А. Н. Цамутали. Саратов, 2006; *Соломонов В. А., Шишкина Т. А.* С. Ф. Платонов и саратовское научное сообщество: (Из эпистолярного наследия ученого) // Историографический сборник. Саратов, 2008. Вып. 23; *Соломонов В. А.* 1928 год в судьбе профессора Сергея Николаевича Чернова: (к истории одного университетского конфликта) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. 2008. Т. 8. Серия «История. Международные отношения», вып. 1. С. 63—68.

[2] Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПб ИИ РАН). Ф. 297 (С. Н. Валк). Оп. 1. Д. 249. Л. 8, 14.

[3] *Сергеенко М. Е.* Указ. соч. С. 299—300.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валк). Оп. 1. Д. 249. Л. 12—12об.

[5] О судьбе С. Н. Чернова см.: *Андреева Т. В., Соломонов В. А.* Указ. соч. С. 308—319.

[6] См.: Список научных трудов С. Н. Чернова // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения: Избр. статьи по истории декабризма / под ред. Б. Е. Сыроечковского, И. В. Пороха. Саратов, 1960. С. 408—415.

[6] О нем см.: *Соколов С. Д.* Саратовцы — писатели и ученые // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 329—330; *Хованский Н. Ф.* Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования // 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 8; *Кузнецова Ю. А.* Указ. соч. С. 117—127; *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 51—53, 75—77; *Попкова Н. А.* Александр Александрович Гераклитов (к 125-летию со дня рождения) // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 105—107; *Попкова Н. А.* Александр Александрович Гераклитов // Гераклитов А. А. Воспоминания / подгот. текста, публ., коммент. и вступ. статья Н. А. Попковой. Саратов, 2004. С. 5—25; *Соломонов В. А.* Из истории кафедры истории России Саратовского университета // Историографический сборник. Саратов, 2002. Вып. 20. С. 86—89.

[8] См.: *Кузнецова Ю. А.* К истории колонизации Сердобского уезда: (Материалы для историко-географического словаря) // Труды Нижне-Волжского научного общества краеведения. Саратов,

1928. Вып. 35, ч. 2. С. 62—82; *Подъяпольская Е. П.* О поместном землевладении и колонизации в районе Аткраского уезда // Известия Краеведческого ин-та изучения Южно-Волжской области при Саратовском ун-те. Саратов, 1927. Т. 2. С. 145—213.

[9] В выданном 12 июня 1930 г. А. А. Гераклитову медицинском заключении наблюдавший за течением его заболевания Н. Николаев отмечал: «Клиническая картина заболевания укладывается в форму туберкулезного процесса гортани. Ввиду стойкого поражения гортани при общем упадке сил проф[ессор] Гераклитов А. А. должен быть признан как педагог абсолютно нетрудоспособным. Проф[ессор] Гераклитов А. А. около 1 1/2 лет находится под моим наблюдением. Вначале заболевание гортани проявлялось в форме ларингита. Б[оль]ному неоднократно давался совет временно воздержаться от преподавательской деятельности и работы в архивах, но в силу объективных условий он этого выполнить не мог, процесс прогрессировал и вылился в вышеуказанную форму, а посему нужно считать, что утрата трудоспособности и произошла в условиях, связанных с преподавательской деятельностью» (Архив СГУ. Д. 28 (А. А. Гераклитов). Л. 81—81об.).

[10] Письмо А. А. Гераклитова В. И. Веретенникову от 24 августа 1930 г. Машинописная копия // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Гераклитова.

[11] *Попкова Н. А.* Александр Александрович Гераклитов (к 125-летию со дня рождения) // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV—VI чтений. Саратов, 1994. С. 107.

[12] См.: *Растокина* (*Рыкова*) *Н. С., Павлова* (*Рыкова*) *Л. С.* Предвзятые комментарии // Университетская книга. 2009. № 1 (146).

[13] Письмо С. Н. Чернова А. А. Гераклитову от [14 октября] 1928 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Гераклитова.

[14] Покров Пресвятой Богородицы — 1(14) октября.

[15] Рыков Павел Сергеевич (1884—1942), историк, археолог и краевед, с 1922 по 1937 г. профессор, декан педагогического (1924—1927) и исторического (с 1935 г.) факультетов, заместитель ректора (1927—1932) Саратовского университета. Одновременно занимал должности: директора областного музея краеведения (с 1923 г.) и Нижневолжского института краеведения им. М. Горького (с 1924 ), заведующего музейным отделом Саратовского губоно (1923—1925) и сектором науки крайоно (1931—1933), председателя Нижневолжского бюро краеведения (с 1931 г.) и ряд других должностей. Репрессирован. См.: *Гусева Л. В., Павлова Л. С., Растокина Н. С.* Павел Сергеевич Рыков (1884—1942): Библиограф. указ. Саратов, 2009; *Малов Н. М.* Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // Человек в древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928—2009). М., 2010. С. 521—903.

[16] Буш Владимир Владимирович (1888—1934), филолог. В 1924—1931 гг. профессор кафедры истории русской литературы и декан (с 1927 г.) педагогического факультета Саратовского университета. С марта 1931 г. ученый секретарь Института русской литературы АН СССР.

[17] Здесь и далее подчеркнуто С. Н. Черновым.

[18] Миротворцев Сергей Романович (1878—1949), хирург, академик АМН СССР (1945), профессор (1914—1930) и ректор (1923—1928) Саратовского университета, профессор Саратовского мединститута (с 1930 г.).

[19] Выписка из протокола № 8 заседания правления Саратовского государственного университета, состоявшегося 16 февраля 1928 г. // Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 43—43об.

[20] Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863—1919), историк, источниковед и археограф, академик Петерб. АН (1899), профессор Петербургского (Петроградского) университета (с 1891 г.).

[21] ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР, создана в 1921 г. в Москве. Первоначально была организована по инициативе М. Горького в 1920 г. в Петрограде. В 1931 г. преобразована в Комиссию содействия ученым при СНК СССР (действовала до 1937 г.)

[22] Челянов Николай Иванович (1889—1941), историк-марксист и правовед, заведующий отделом вузов Главпрофобра НКП (1920-е гг.).

[23] Луппол Иван Капитонович (1896—1943), философ и литературовед, академик АН СССР (1939), организатор и первый директор ИМЛИ (до 1940 г.).

[24] Голуб Владимир Петрович (1876—1944), химик, специалист в области технической химии, товароведения и пирогенизации нефти. С 1920 г. профессор, заведующий кафедрами технической химии физико-математического факультета (1920—1929) и аналитической химии химического факультета (1930—1941), одновременно декан химфака (с 1930 г.) и заместитель ректора по учебной части (1934—1937) Саратовского университета.

[25] Идентифицировать данную личность не удалось.

[26] Каценбоген Соломон Захарович (1889—1946), философ-марксист, социолог и правовед, профессор Белорусского (1921—1925), профессор и директор Саратовского (1925—1932) университетов,

профессор и директор Ленинградского (1932—1935) и Свердловского (1935—1936) пединститутов, профессор Уральского университета (1939—1946).

[27] Вильс — кличка собаки С. Н. Чернова.

[28] Бутенко Вадим Аполлонович (1877—1931), историк, специалист по истории Франции конца XVIII — начала XIX в. В 1917—1928 гг. профессор, в 1918—1919 гг. декан историко-филологического факультета, в 1920—1921 гг. декан факультета общественных наук Саратовского университета. С февраля 1923 г. по октябрь 1928 г. заведовал Радищевским музеем в Саратове. 26 апреля 1930 г. был арестован по так называемому «Академическому делу» и 10 февраля 1931 г. приговорен к десяти годам заключения. Умер 14 сентября 1931 г. на Беломорстрое от скоротечного легочного туберкулеза. О нем см.: Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. VII; *Золотарев В. П.* Вадим Аполлонович Бутенко (1877—1931) // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 113—114; *Клестова С. Л.* В. А. Бутенко — профессор Саратовского университета (1917—1928) // Российские университеты в XVIII—XIX веках: сб. науч. статей. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 197—213.

[31] Баллод (Balodis) Франц Владимирович (Франц Александр Вольдемар) (1882—1947), археолог, историк, искусствовед и музеевед, профессор Саратовского (1918—1924), Латвийского (с 1927 г.) университетов, Шведской высшей школы (с 1940 г.), директор Саратовского археологического института (1921—1924).

[32] Юшков Серафим Владимирович (1888—1952), историк и источниковед, член-корреспондент АН УССР (1939), академик АН КазССР (1946), профессор Саратовского (1919—1926), Ленинградского (1926—1930) и Московского (1948—1952) университетов. О нем см.: Серафим Владимирович Юшков: К 60-летию со дня рождения и 35-летию науч.-педагогич. деятельности. М., 1948; *Черепнин Л. В.* К 60-летию со дня рождения С. В. Юшкова 1948 г. // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв.: сб. статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 293—303; Серафим Владимирович Юшков. М., 1989.

[33] Скалдин Алексей Дмитриевич (1889—1943), теоретик искусства и литератор, заведующий Радищевским музеем в Саратове (с 1921 г.). О нем см.: *Царькова Т. С.* «Скалдиновщина». Саратовский период жизни А. Д. Скалдина // Лица. Биографический альманах. Вып. 5. М. ; СПб., 1994; *Царькова Т. С.* Материалы об аресте 1922 года // Скалдин Алексей Дмитриевич. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии / сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. Т. С. Царьковой. СПб., 2004.

Материал поступил в редакцию 15 сентября 2012 г.